

ВАЛЕРИЙ АУШЕВ

ЗВЁЗДНАЯ ДОРОГА

От Ломоносова до Рубцова

Неподалёку от выхода из метро “Академическая” я свернул на улицу Дмитрия Ульянова и, пройдя чуть более полукилометра, на фасаде одного из зданий, на первом этаже которого размещается библиотека № 95, увидел вывеску “Музей Николая Рубцова”. По народному почитанию и всеобщему признанию Рубцов достоин зваться академиком российской поэзии! И тут можно представить, пофантазировать, как здесь ли, на Ломоносовском ли проспекте столицы встречаются души двух академиков, двух земляков, родившихся на Холмогорской земле. Нам неведомо, о чём они могут говорить, что вместе вспоминать. “Да и как можно поставить их в один ряд?” – возмутятся многие ныне здравствующие кандидаты и доктора наук из числа трёх с половиной тысяч диссертантов, защитившихся на Ломоносове в советские годы, и новоявленные соискатели, сегодня активно препарирующие поэзию Николая Рубцова.

Но не только можно, но и нужно сегодня ставить эти имена в один ряд!

Оба они – славные сыны Отечества. Оба – лидеры духовного обновления России разных эпох. Оба – романтики исканий, рисков, открытий. Оба – безжалостные сжигатели собственной энергии, жертвователи здоровьем, личным достатком и положением во имя истины – художественной ли, научной ли...

О двух могилках русского духа написаны сотни и тысячи книг, статей, воспоминаний. И всё же “белых пятен” в исследовании их биографий, жизни и деятельности остаётся немало.

Недавно Россия широко отмечала их юбилеи – 300-летие со дня рождения М. В. Ломоносова и 75-летие со дня рождения Н. М. Рубцова. Но как определить степень духовного родства М. В. Ломоносова и Н. М. Рубцова? Оба они родом из одних мест, оба – холмогорцы, оба прошли свой путь по звёздной дороге – в Москву. Их связывает и объединяет новаторское творчество (характерное каждому – для своего времени). Меня потрясло (на это как-то никто из критиков и литературоведов не обращал прежде внимания) глубочайшее почтение, гордость Н. Рубцова своим великим земляком и подробнейшее знание его духовной биографии.

Кажется, композитор Георгий Свиридов называл стихи Н. Рубцова “живыми кусками, оторванными от сердца”.

АУШЕВ Валерий Петрович, президент МРОО “Содружество творческих сил”, член Союза писателей России. С 1970 по 1979 год работал редактором областной молодежной газеты “Северный комсомолец” (г. Архангельск).

У Николая было трепетное отношение к Церкви, проистекавшее, очевидно, от матери, образ которой он пронёс через всю свою жизнь. Он признавался мне, что хотел венчаться в церкви, как Есенин с Зинаидой Райх в Вологде.

Святость Рубцова, певшего, по воспоминаниям сестры поэта, в церковном хоре до Великой Отечественной войны, проистекает от матери Александры Михайловны Рубцовой (в девичестве – Рычковой).

Это в Холмогорах, стоя у стен полуразрушенного Преображенского собора, я впервые услышал от Николая восьмистишие М. В. Ломоносова, неведомое мне ранее:

*Я долго размышлял и долго был в сомненье,
Что есть ли на землю от высоты смотренье;
Или по слепоте без ряду всё течет,
И помыслу с небес во всей вселенной нет.
Однако, посмотрев светил небесных стройность,
Земли, морей и рек доброту и пристойность,
Премени дней, ночей, явления луны,
Признал, что божеской мы силой созданы.*

Ещё больше я изумился, когда Рубцов сказал, что это – вольное переложение стихов латинского поэта Клавдиана Ломоносов сделал уже в конце своей жизни. “Но нас-то в вузе, – лепетал я что-то в оправдание, – уверяли, что Ломоносов – атеист, всегда был в “раздрае” с официальной церковью...”

Свидетельством тому – известная его сатира “Гимн бороде”. Рубцов раздраженно произнес: “Ты, наверное, и его переложения псалмов не читал. А он, можно сказать, в стихотворной дуэли с Третьяковским и Сумароковым из-за 143-го псалма дрался, кто лучше его в поэтический язык обратит, и победил!.. А вообще в ломоносовских переложениях псалмов из “Псалтири” я больше узнал о его душе и терзаниях, чем во всех книгах, написанных о нём... Если хочешь быть ближе к Ломоносову, прочти пронзительные по своему накалу, темпераменту, внутренней энергии его псалмы в стихах, и тебе откроется многое в характере, чувствованиях, вере, устремлениях поморачуёного, помора-поэта. А потом, я верю Пушкину, утверждавшему, что на письменном столе Ломоносова лежала Библия...”

Последний год жизни (веду отсчёт его с 19 января 1970-го по 19 января 1971 года) складывался, в общем-то, по словам самого Н. Рубцова, “вполне сносно” для него. Не всё так плохо обстояло в поэтической судьбе Николая: в 1969 году в Северо-Западном книжном издательстве вышел очередной, третий по счёту, сборник его стихов “Душа хранит”, а в 70-м году, когда страна отмечала 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, в Москве вышла новая книга Н. Рубцова – “Сосен шум”. Однако собратья по перу не очень-то стремились замечать успехи своего коллеги по поэтическому цеху.

С 11 по 16 октября 1970 года в Архангельске проходило выездное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР во главе с С. В. Михалковым. В список делегации Вологодской писательской организации Николай Рубцов был включен в самый последний момент после переговоров с вологодским руководством, обеспокоенным, как бы он не выкинул чего-либо, из ряда вон выходящего, на всероссийском писательском *бомонде*.

Этот форум больше напоминал праздник послушания и идейного единения писательских рядов Северо-Запада. Со стороны он казался таким “мальчишником”, на который съехались пошуметь, пообщаться (и за рюмкой тоже) друзья-коллеги, не видевшиеся много лет. Во избежание нежелательных эксцессов и для соблюдения нравственности и облико-морале в состав делегаций не были включены представительницы женского пола (за исключением, пожалуй, Ольги Фокиной и женщины-инструктора ЦК партии, уполномоченной курировать проходящее мероприятие в русле задач, обозначенных курсом очередного съезда КПСС). Тема симпозиума была озаглавлена в духе времени – “Человек труда в произведениях писателей Севера”. Так как стихи Н. Рубцова, по мнению идеологических “экспертов”, мало отвечали обозначенной теме, его и не хотели делегировать на секретариат. Лишь заступничество основного докладчика по поэзии – известного советского поэта Сергея Сергеевича Орлова, заявившего сгоряча, что по-настоящему, кроме Николая Рубцова, и говорить будет не о чем и не о ком, – повлияло на исход дела:

Рубцов прибыл вместе с вологодскими писателями Виктором Астафьевым, Василием Беловым, Виктором Гура, Виктором Коротаевым, Иваном Полуяновым, Александром Романовым и Ольгой Фокиной.

Но вот с душой Рубцова творилось что-то неладное. Внешний вид являл страдальца, измученного странными ощущениями приближающейся катастрофы. “Николай Михайлович, чем-то раздосадованный, был замкнут, неразговорчив, встревожен, – вспоминает в своей книге “Литературный Архангельск” бывший директор Северо-Западного книжного издательства Б. С. Пономарев. – Я поинтересовался у Рубцова, какую он готовит рукопись для Северо-Западного издательства. Но, скажу откровенно, разговора не получилось. Рубцов посмотрел на меня своими пронзительными глазами, только и сказал, что ему сейчас тяжело и, право, совсем не до сборника. И даже не пошёл на заседание...”

А пришёл он в редакцию областной молодежной газеты “Северный комсомолец”, выложил на мой редакторский стол кипу отпечатанных на машинке и написанных от руки стихов и, немного погодя, отогревшись, разговорился. Заметив на лацкане моего пиджака юбилейную ленинскую медаль, выпущенную к юбилею вождя революции, он ухмыльнулся: “Ни дать ни взять – прямо-таки пряник архангельский, наших писак почти всех тоже медальной глазурью покрыли, а я мастью не вышел, не теми идеями башка забита... Я, честно сказать, и ехать-то не хотел, да узнал, что писателей на родину Ломоносова повезут... Вот, думаю, Бог послал возможность с родной стороной свидеться, в Емецке побывать... От Холмогор до Емецка всего ничего, раз плюнуть, а мне – свидание, когда ещё такая возможность выпадет... Мне хотя бы ржавый гвоздь из домашней стены выдернуть, на котором родительский портрет висел... На горькую мою, безутешную память...”

Через полчаса общения его увёл в фотолабораторию наш фотокорреспондент, чтобы сделать снимок к подборке стихов, которую отобрали для газеты, а я поспешил на торжественное открытие писательского форума в областном драмтеатре.

К сожалению, Николаю Рубцову не довелось услышать доклад Сергея Орлова, который долго и тепло говорил о его стихах: “Отсюда, с берегов Белого моря, вышел в Москву великий россиянин Михайло Ломоносов... Прекрасная старина встретилась на Севере и переплелась с духовной и промышленной новью, став выразительным современным единством. Традиции и новое – диалектика жизни никогда так ярко не раскрываются, как в столкновении и соединении их...”

*В деревне виднее природа и люди.
Конечно, за всех говорить не берусь!
Виднее над полем при звёздном салюте,
На чём поднималась великая Русь.*

Это стихи Николая Рубцова из Вологды, весело, остро и по существу ощущающего связь времени в том мире, который именуется сельским... Николай Рубцов раскрывает с естественной простотой дыхания самое главное: традиционную и непреходящую сущность человеческого характера, сложившуюся в активном общении с природой русского Севера... Любовь к земле – традиция. Она идёт через оды Михайлы Ломоносова, через Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Блока, Маяковского, Есенина к поэтам старшего поколения, зачинателям русской советской поэзии, к поэтам совсем молодым, влюблённым в день грядущий, помнящим вчерашний день и думающим о завтрашнем дне... Из книг северных поэтов, определивших в своей индивидуальности, наиболее интересными за последние два года мне представляются книги Николая Рубцова”.

О, знал бы уважаемый докладчик, с какими муками рождались первые поэтические книги Николая Рубцова, какому беспощадному вмешательству со стороны людей, мало что смыслящих в поэзии, подвергались они!

Современным рубцоведам хотелось бы порекомендовать восстановить для начала подлинные тексты произведений поэта, искромсанные вдоль и поперёк редакторской вкусовщиной и цензорской правкой. Особенно это заметно в публикациях и поэтических сборниках автора, увидевших свет в шестидесяти годах минувшего века.

На свою тонюсенькую, выхолощенную книжицу “Лирика”, вышедшую в Северо-Западном книжном издательстве, он без содрогания смотреть не мог. “От меня в ней и малой толики не осталось, — сетовал Николай. — За что меня так терпеть не могут редакторские костоломы и цензоры? Ты, говорят, Бога на помощь бы не звал, мы и без него с трудностями справимся, своими руками рай на Севере построим... Двурушники, а сами кресты тайком на шею носили...”

О том, что стихи поэта подвергались откровенной кастрации, свидетельствуют многие факты.

Так, Н. Яшина (“Письма Н. Рубцова к А. Яшину” — “Наш современник”, М., 1988, № 4), которой Николай подарил свою первую книжку стихов “Лирика”, писала: “. . . кроме правки почти в каждом тексте — девять стихотворений из двадцати пяти целиком перечеркнуты”. Редакторского насилия над стихами Рубцов не мог перенести и в знак протеста перечеркнул чуть ли не треть из них...

Журнал “Юность” (№6, 1966) опубликовал стихотворение Н. Рубцова “Русский огонёк” с пропущенной строфой.

М.А. Котов, редактор Харовской районной газеты “Призыв”, печатавший стихи поэта в 1968–1969 годах, впоследствии вспоминал: “При встрече в райкоме КПСС второй секретарь (по идеологии) выговаривал мне:

— Зачем вы публикуете такие стихи?

— Отличные стихи, — ответил я, — яркие. Рубцов публикуется в журналах, выпустил книгу.

— Нет, — вы вдумайтесь, вдумайтесь в смысл.

Я понял, что не понравилось секретарю, — разве доступна его пониманию чистая лирика, ему нужен красный ура-патриотизм” (газета “Сельская новь”, г. Череповец, от 18 января 1996).

Рубцов ехал в Холмогоры с явной мыслью проследовать дальше, в село своей младенческой колыбели — Емецк. Но этому желанию, по ряду причин, не удалось осуществиться. Всякий раз, приезжая в Архангельск, Николай оживлялся, когда речь заходила о Емецке. Доводилось ли ему бывать на родине или нет в прежние годы, когда, например, он в 1951–1955 годах связал он свою судьбу с Архангельским траловым флотом, мне так у него и не удалось выяснить. Он лишь отшучивался и отвечал уклончиво, что, мол, до сих пор помнит “дивное разнотравье, непередаваемую пестроту и пьянящие запахи трав на неохватном емецком лугу”. И читал стихи о тех годах, когда всерёз заболел морем:

*Как я рвался на море!
Бросил дом безрассудно
И в моряцкой конторе
Всё просился на судно,
Умолял, караулил,
Но нетрезвые, с кренцем,
Моряки хохотнули
И назвали младенцем.*

Потом он приезжал в Архангельск уже по издательским делам. Так, осенью 1964 года он постучался в кабинет директора Северо-Западного книжного издательства Б. С. Пономарёва, который так вспоминал о встрече с поэтом: “Вошёл молодой человек с худощавым болезненно-серым лицом, молча опустился на диван, в смущении потирая руки и время от времени глуховато покашливая.

Мы, издательские работники, расспросили Николая о его жизни и поняли, что он оказался в стеснённом положении. В издательстве находилась рукопись стихов Рубцова, и с автором был заключен договор и выдан ему аванс. Довольный поэт уехал в село Никольское.

В 1965 году первый сборник стихов Н. Рубцова “Лирика” увидел свет...”

Вот и теперь, по прошествии пяти лет, каким-то чутьём, ведомым лишь ему, он перед вечерним выступлением в Холмогорах признал емчан в двух скромно стоявших у входа в Дом культуры мужчине и женщине. Подозвал меня: “Вот мои корни и сюда протянулись. Знай наших... Знакомься... Фами-

лию Рубцовых помнят...” Возможно, при любом другом случае я непременно бы записал имена и фамилии представившихся земляков Николая, но все мои мысли были уже на сцене, где предстояло мне выступать в именитом соседстве с Егором Исаевым, Виктором Боковым, Григорием Коноваловым.

Емецк (Емца) в прошлом – большое торговое село. Здесь с XVI века существовал торжок – крестьянский рынок, знаменитый на всё Поморье. Отсюда тянулись дороги во внутренние губернии государства, ходили длинные санные обозы до самой Москвы. В Емецке Антониев-Сийский монастырь покупал произведения деревенских ремесленников – кожи добрые, сукна простые, сукна серые, рядные, чёрные, как “полщенные”, так и “нетоптаны”, гребенину, домотканые материи, рубахи, холст и холщовые сермяги, “однорядки емские синие” и пр. Попадали на емецкий торг и привозные товары, даже шёлк. Продавались здесь и съестные припасы – хлеб, свежая и солёная рыба, дичь, масло.

Емца оставалась бойким торговым селом на протяжении всего XVIII века: “В селе и погосте Емецком по четвергам каждой недели бывает ярмонка, на которую не только Холмогорского, но и других окольных уездов много съезжается крестьян для продажи и покупки домашних продуктов и рукоделий...” А ещё Емецк исстари славился своим праздником невест, который проходил на главной торговой площади в Иванов день (7 июля). “На него приезжали гости со всей округи, – пишет об этом в своих воспоминаниях старожил Емецка Т. В. Минина. – Уже с осени начиналась подготовка к этому дню. Девушек готовили их родители, бабушки и женщины, которым уже доводилось участвовать в празднике. Шили одежду, репетировали, как надо правильно себя вести. Сам же праздник проходил так. Зрители собирались вокруг площади с трёх сторон, и по звону колокола участницы выходили и вставали в круг. Снова звенел колокол, и девушки шли по кругу. Шли медленно, смотрели только прямо, без лишних движений. Первый круг прошли – опять звон, и шли уже в обратную сторону. Делалось это несколько раз. В последний раз ударяли в колокол, и девушки медленно выходили из круга, направляясь к родным, а зрители ещё некоторое время стояли и обсуждали их. Среди юношей бывало такое, что двоим, а то и троим нравилась одна и та же девушка. Разгорался спор, дело доходило даже до драк...”.

Что-то подобное приходилось слышать и Рубцову. Об этом старинном обычае высматривания и выбора невест он даже собирался написать стихи, как и о многом другом, что связывало его с колыбельной родиной.

Конечно, он помнил о том, что в Емецке останавливался Михайло Ломоносов. От постоянного двора шёл спуск к реке Емце, с выходом на Московский почтовый тракт. Среди местных жителей существует предание, будто М. В. Ломоносов попросил знакомого емчанина – прихожанина Сийского монастыря, которому Михайло ещё раньше продал свое полукафтанье, сообщить ему, когда пройдёт рыбный обоз на Москву. Через несколько дней тот сообщил Ломоносову, в то время исполнявшему обязанности псаломщика в Антониев-Сийском монастыре, что обоз вот-вот прибудет в Емецк. Михайло на одном дыхании преодолел 19 километров до постоянного двора и стал ждать обозников, чтобы с ними уйти в Москву. До исполнения заветного желания учиться наукам оставалось всего ничего...

Это важный момент в биографии юноши, ибо все сведения об уходе из дому Михайлы Ломоносова сводились к дате 9 декабря 1730 года. На самом же деле в своем первоначальном признании, данном позднее, в 1734 году, Ставленническому столу в Москве, Ломоносов называет другую дату ухода – в начале октября 1730 года. Почему же Михайло пытался исключить эти два месяца своего пребывания в Антониев-Сийском монастыре?

Какая угроза висела над 19-летним юношей Ломоносовым? – Его могли взять служить на флот. Корабельная повинность поморских уездов продолжалась вплоть до 40-х годов XVIII века. А предыстория её такова. Времена петровских преобразований коснулись и суши, и моря. На берегу Невы радиением Петра выросла новая русская столица – Петербург, создавалась новая национальная армия, а на море – первый в России военно-морской флот, который вскоре заявил о себе убедительными победами в морских сражениях.

На судостроительных верфях в Вавчуге, основанных холмогорскими купцами Фёдором и Осипом Бажениными, строились и спускались на воду “новоманерные” корабли, которые перегонялись затем вдоль Скандинавских

берегов на Балтику. Пётр I высоко ценил смекалку и отвагу поморов, их умение управлять судами, плавать на дальние расстояния и по опасным местам.

Молодых поморов стали привлекать на государственную службу. С этой целью из Петербурга в Поморье стали прибывать доверенные лица царя, чтобы набирать в экипажи действующих и строящихся кораблей “добрых и молодых” поморов. Количество рекрутов исчислялось сотнями. . .

Сильно потрясли Куростров предыдущие рекрутские наборы. Гвардейцы Петра хватали без разбору мужиков-поморов, лоцманов и кормщиков, промысловиков и рыбаков – всех, кто внешне выглядел здоровым и годным к морской службе. Хватали без всяких увещеваний и уговоров. Им было ведомо, что поморы – лучшие пловцы и искусные мореходы. Кого ни схвати, всяк для службы морской пригоден.

Хоть указ государев и гласил, что годных к службе в возрасте от 15 годов до 30 хватать не гляючи, вербовщикам приходилось туго. Каждая поморская деревушка за своих парней горой стояла, неделями шли переговоры, чаще откупались, платя скопом по 11 рублей, дабы избежать службы на строящемся флоте Петра. Всё чаще петровым вербовщикам приходилось прибегать к силе, появляясь среди поморов в сопровождении солдат (рейтаров).

Михайле не раз доводилось видеть на руках увечных, с желтушными лицами, а посему отпущенными по хворости и болезни бродяг и покрутчиков клеймо в виде креста возле большого пальца. Мужики на любопытные расспросы юноши только ухмылялись: “Оная отметка самого грозного царя Нептуна, дабы с флоту не сбежали, а служили верой-правдой и в шторм лихой с крутой волной, и в сражении морском с неприятелем”.

Указом царским почти поголовно юношей из поморских семейств отдавали в матросы на флот на пожизненную службу. А крестиками клеймили для того, чтобы из армии и флота не было побегов, а ежели подобное случалось – секли, ноздри рвали до костей и ссылали на каторгу. . .

Пётр I в первом Морском уставе писал: “Всякий potentant (властелин, коронованная особа), который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет”.

“Издrevле хаживали заморские суда из Европы в Россию. Вечно было российским Поморье и российскими же были многие крепости на Балтике. Скоро мы увидим, как всё вернётся на круги своя, а Поморье станет вратами государства Российского. Первейшим по знатности портом России будет Архангельск, – прорицал Пётр I. – Вот почему, други мои, царям не позволительно трон протирать, а весьма полезно путешествовать по землям, над которыми властвуешь, дабы служить пользе и славе государства. Далёкий Архангельск открыл мне очи на всю бескрайнюю Русь, и отсюда могущество России исходить будет”. Он понимал, что без регулярного морского флота Россия не сможет стать мировой державой, удерживать под своим влиянием огромные территории в Европе и Азии.

“Морским судам быть!” – твёрдое решение царя Петра в октябре 1696 года положило начало целевой государственной программе кораблестроения России. Более половины судов, построенных на верфях Санкт-Петербурга и Архангельского адмиралтейства, составляли многопушечные линейные корабли и фрегаты.

В Антониев-Сийском монастыре Ломоносов ждал, когда рекрутский набор пройдёт, когда лёд на северных реках прочней станет, чтобы далее к Москве идти, не опасаясь быть схваченным вербовщиками. И желание-то у поморского юноши было иным – на штурмана выучиться, морским офицером стать, потому и паспорт ему в Холмогорской воеводской канцелярии Банев выправил: мол, отпущен сроком на год к Москве и к морю. А какие моря в Москве могли быть, кроме Навигацкой математической школы, что в Сухаревой башне размещалась. Вот туда-то и нацелился с самого начала ступить Михайло. Да так уж случилось (Ломоносов этого не знал), что основные морские дисциплины из этого заведения в открывшуюся в Петербурге Морскую академию перевели.

А ещё, меняя дату своего ухода в Москву из родной деревни, он опасался, что руководству Славяно-греко-латинской академии, куда он после неудачи с Навигацкой школой был принят, станет известен факт его служения в монастыре, где в то время находили приют скрывавшиеся старообрядцы – противники никоновских реформ, происходивших в Православной церкви.

История развела во времени пребывание в Емецке двух дорогих нам соотечественников. Местные старики утверждают, что неподалеку от того самого места, где Ломоносов поджидал обоз с мороженой и вяленой треской, был поставлен дом, в котором родится будущий знаменитый поэт России Николай Рубцов.

До сих пор стоит выходящий фасадом на улицу Горончаровского этот двухэтажный деревянный дом. Раньше его называли Орсовским коммунальным (ОРС — отдел рабочего снабжения). В 1935 году начальником ОРС Емецкого леспромхоза назначили Михаила Андриановича Рубцова из Вологды, поселившегося в этом доме вместе с семьёй на втором этаже — в трехкомнатной квартире, окнами выходившей на реку. Квартира по тем временам соответствовала занимаемой им должности, хотя было несколько “но”: общая кухня, общий туалет, на второй этаж вела крутая лестница, по которой нужно было носить воду с Емцы и дрова для печек. Неудобства второго этажа заставили семью поменять трёхкомнатную квартиру на меньшую, двухкомнатную, на первом этаже, где рядом были туалет и кухня. В селе теперь есть улица и краеведческий музей имени Николая Рубцова, а перед школой-интернатом в 2004 году ему открыт памятник.

Во время краткого пребывания на Курострове Рубцова взволновал рассказ Геннадия Ивановича Седакова, местного учителя и сына известного мастера холмогорской резьбы по кости, о том, что к строительству Ломоносовского училища были причастны и емчане. Холмогорскому мировому посреднику удалось уговорить градоначальника Емецка пожертвовать деревянный дом — одно из емецких училищных зданий — для Ломоносовского училища. Летом того же года оно было разобрано и на карбасах перевезено по реке на Куростров, в Денисовку, где 8 сентября 1871 года вновь собранный училищный дом принял своих питомцев.

Седаков привёл еще одну любопытную подробность. К 200-летию юбилею М. Ломоносова, отмечавшемуся в 1911 году, Российская Академия наук в память о первом российском академике стала почётным попечителем Куростровского учебного заведения. Подобное почётное попечительство до этого исполняло только Емецкое училище в лице купца Вальева.

...После радушного приема в Холмогорах мы возвращались в Архангельск в возбуждённо-приподнятом состоянии. Николай стал читать стихи:

*Русь моя, люблю твои берёзы!
С первых лет я с ними жил и рос,
Потому и набегают слёзы
На глаза, отвыкшие от слёз...*

Но, резко прервав чтение, стал сокрушаться: “Никогда себе не прощу... Ведь была возможность в Емецк с земляками проехать, да стадный инстинкт в обратную сторону повернул... Не хотел Вологодскую делегацию подводить... Эх, чудь я, чудь заволоцкая!.. Не видать мне, видно, Емецка как своих ушей!..”

По-видимому, Рубцов, называя себя в запальчивости чудью заволоцкой, знал о Емецком городище XVI века, на котором в это время вела раскопки экспедиция Ленинградского отделения Института археологии Академии наук под руководством О. В. Овсянникова. Открытия, сделанные под Емецком, вплотную приблизили археологов к разгадке тайны “Чуди Заволоцкой”, о которой впервые упоминается в древнейшей летописи IX века “Повести временных лет”. Николай проявлял интерес к летописным сведениям и сохранившимся преданиям о том, как “Чудь” боролась против новгородцев, как “ушла” под землю и возникла из глубин земных внезапно, приводя в трепет своих недругов.

“Понимаешь, — резко рубил он рукой встречный порыв ветра, — речь идёт о местных племенах, с которыми пришлось иметь дело новгородцам, когда они пришли на северные, в том числе и емецкие земли. Так что порой я задумываюсь, какие крови во мне бурлят? А какие страсти кипят? — и думать не приходится. Ты сам тому свидетель... — Немного помолчав, добавил: — А перед Емецком я — в долгу. Впервые, может быть, против внутреннего голоса пошёл, убеждавшего хотя бы глазком глянуть на дом, где младенцем орал, где к материнской груди тянулся и свет белый увидел...”

“Чего уж так сокрушаться, – пытался я утешить сжавшегося в комок Николая. – Приезжай сюда по теплу на следующий год, организуем тебе командировку от нашей газеты. Что за свидание на сутки? Поживёшь с недельку, погостишь, что-нибудь и о Емецком крае, не чужом тебе, родится... Чувствую, душа твоя за местные предания ухватилась...”

Рубцов знаком был с преданием о том, что Ломоносов живо интересовался, почему река Емца, приток Двины, не замерзает и в 40-градусные морозы. Причина таилась в мощно бьющих в этом месте донных ключах. Позднее в своих трудах учёный неоднократно возвращался к северным загадкам природы и пытался дать им объяснение. А я прочитал Николаю стихи “Зимуют пристани на Емце”, написанные зимой 1967 года в Емецке, где проходило совещание педагогов Холмогорского района (в то время я был завучем Курейской восьмилетней школы):

*Прищурь глаза, прикинь, прицелься
И пророни в восторге: “Ах!”
Зимуют пристани-принцессы
В песцовых кипельных снегах.
Они голубо-бирюзовы,
Как будто чуть удивлены,
Что здесь, на Емце, слышен зов им
Весенней, в радугах Двины!..
Но нет...
Ещё февраль и вьюжно,
И снег всклокоченный ершист,
И речка Емца добродушно
Укрыть гостей своих спешит.
Со всей Двины сюда причалив,
Тоскуют пристани в плену,
А ночью звёзды, словно чайки,
Их грусть уносят в вышину...*

Николай молча выслушал стихотворение до конца и, не проронив ни слова, сжал мою руку...

И последнее. Понятно стремление вологжан укрепиться в мысли и желании, что Николай Рубцов всецело принадлежит им и более никому. Поэтому и литературоведы, и критики, и исследователи жизненного пути и творчества Н. Рубцова скромно умалчивают о месте рождения поэта. Все лавры почему-то достаются селу Никольское (Николе), Тотьме, Вологде. Но достаточно заглянуть в свидетельство о рождении северного самородка, чтобы узнать, что Николай Михайлович родился 4 января 1936 года в с. Емецке Холмогорского района Северного края, в состав которого входили бывшие Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская и часть Вятской губернии. Центром Северного края был Архангельск. Такая административно-территориальная единица просуществовала в РСФСР с 1929 по 1936 год включительно, и только с 1937 года из него были выделены самостоятельные Архангельская и Вологодская области. Так что впечатляюще ёмко анализировавший творчество Н. Рубцова поэт Сергей Орлов не случайно назвал Рубцова достойным всего Севера и России в целом. И нам не следует об этом забывать.